5

Вечерний Ленинград
г. Ленинград
Понедельник, 27 марта 1950 г., № 73 (1314)

Завтра 82-я годовщина со дня рождения А. М. Горького

Строитель советской литературы

Алексей Максимович Горький — родоначальник самой передовой в мире советской литературы. Не жалея сил, он работал над ее развитием. Неустанно призывал он советских писателей к всестороннему изучению действительности, к активному участию в строительстве новой жизни.

«Дело наших литераторов, — говорил он, — трудное, сложное дело... Нужно учиться видеть, как в чадном тлении старой гнили вспыхивают, разгораются огоньки будущего. У молодых писателей есть что сказать о новых радостях жизни, о разнообразном цветении творческих сил в стране».

В. И. Ленин и И. В. Сталин направляли большую и плодотворную деятельность Горького. Опираясь на поддержку товарища И. В. Сталина, в тесном содружестве с ним, А. М. Горький явился инициатором многих культурных начинаний. Главным среди них было строительство советской литературы, воспитание новых талантливых писателей. В этой работе Горький умело сочетал большое человеческое внимание к молодежи с высокой принципиальной требовательностью, с непримиримым отношением к недостаткам, тормозящим развитие литературы.

В 1930 году в письме А. М. Горькому Иосиф Виссарионович Сталин писал:

«Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма, подрыв творческого почина рабочего класса. Конечно, самокритика дает материал врагам. В этом Вы совершенно правы. Но она же дает материал (и толчок) для нашего продвижения вперед, для развязывания строительной энергии трудящихся, для развития соревнования, для ударных бригад и т. п. Отрицательная сторона покрывается и перекрывается положительной».

Эти мудрые слова Горький принял к руководству в самом близком ему деле — строительстве советской литературы. Неустанно работал он над осуществлением задачи, поставленной товарищем И. В. Сталиным,— «дать выход молодым силам, имя которым легион».

Как много, можно сказать, неисчислимо количество людей, которым Горький помог, кого поставил на ноги, ободрил в работе, воодушевил, научил. И если замечал хоть искру таланта, не жалел никаких усилий своих, чтобы раздуть ее в пламя.

Начинающему писателю Горький пишет такое ободряющее письмо:

«Талант? Это — любовь к своей работе, уменье работать. Надобно отдавать всего себя, все свои силы избранному делу. Учиться надо, учиться!.. Подумайте: так же, как каждый из вас встает к новой жизни, хочет ее строить, — так же, постепенно, поднимаются к ней воли, воображения, мысли десятков миллионов людей».

Алексей Максимович обладал умением глубоко понимать настроения и чувства широких масс, в то же время различая и вглядываясь в каждое лицо, пестуя каждого, хотя бы и самого маленького человека.

Ведь не просто по доброте он был столь отзывчивым, что писал сотни писем, отвечая на какой-нибудь даже самый простодушный вопрос. А он отвечал всегда, если только угадывал по письму или рукописи ростки таланта, усилие воли, стремление «вперед и выше».

Его дарование художника слова, огромный опыт профессиональной работы, восприятие каждого нового литературного явления почти как своей личной удачи, давняя роль страстного организатора сделали Горького естественным средоточием советской литературной жизни. В 20—30-х годах, можно сказать, не было ни одного советского писателя, так или иначе не обязанного Горькому помощью, вниманием, советом, а иногда и литературным бытием.

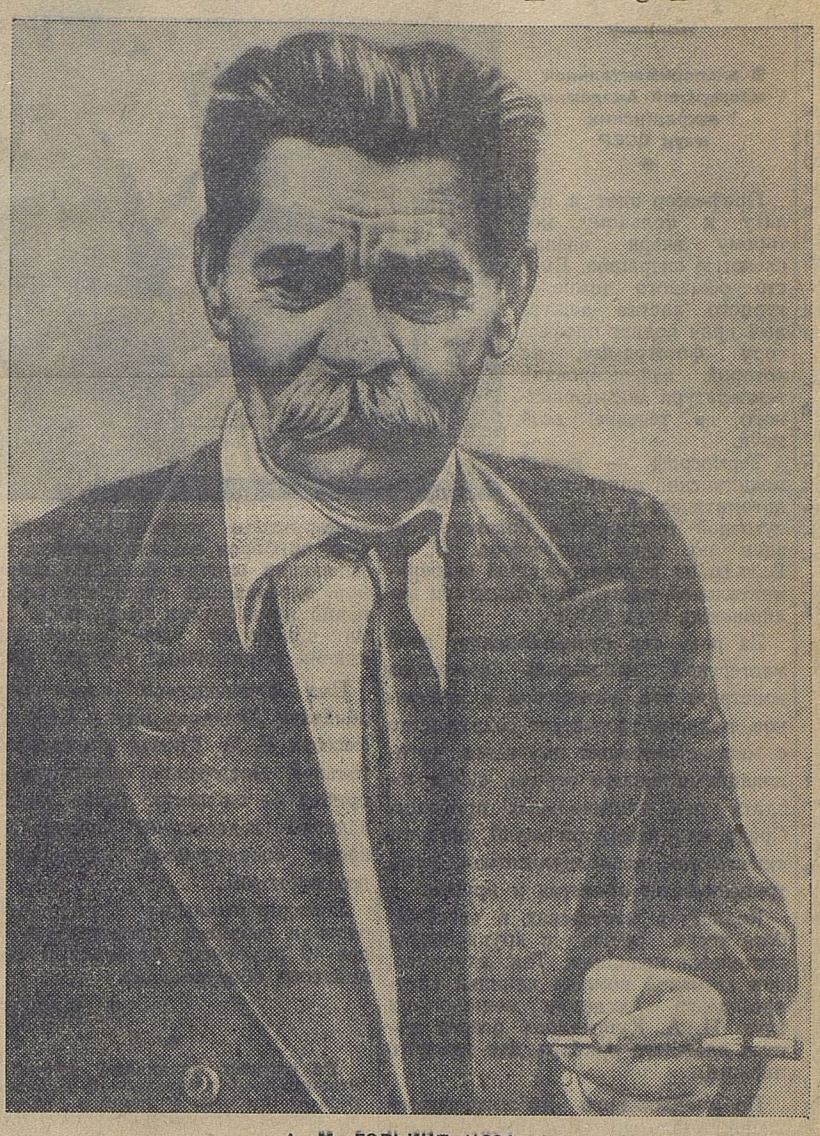
«Я — профессиональный читатель, — писал Горький, — влюбленный в литературу. Каждый раз, когда приходит новая книга, я открываю ее с глубочайшим волнением, напряженно ожидая найти в ней что-то новое, радостное, талантливое».

Это Горький писал в ответ на вопрос корреспондента, зачем он читает все, что появляется в русской литературе. Этот вопрос не раз задавали Горькому: зачем читать так много плохих, несовершенных произведений, и Алексей Максимович всегда неизменно отвечал: это мое дело, моя обязанность — следить, как растет человек.

Погрешила таким письмом к Горькому и редакция журнала «Сибирские огни», сообщив, что она не рассказывает о молодых сибиряках-литераторах, потому что и без того «назойливые литмладенцы лезут к нему тысячами».

Алексей Максимович ответил на это в высшей степени интересным письмом.

«Тут, видите ли, дело в том, что я никогда не забываю о себе, — малограмотном парнишке 12—16 лет и неуклюжем парне 17-ти—22-х. Сейчас мне — 60, и в нашем мире я что-то значу, чем-то ценен, кому-то нужен. Будучи несколько знаком с историей культуры, я не могу рассматривать мой случай, как случай частный, а рассматриваю как одно из многих выявлений воли человека. Знали бы вы, сколько на путях моих я встретил замечательно талантливых людей, которые погибли лишь потому, что в момент наивысшего напряжения их стремлений—они не встретили опоры, поддержки... Многим со стороны, — да нередко и мне самому — эта моя возня с «младенцами» кажется смешной, частенько я делаю ошибки, но — ведь ничего нет легче, как ошибиться в оценке человека, весьма сложного существа. Однако нередко удавалось мне и правильно отгадывать истинную цену младенца. Это меня радостно удовлетворяет, а ошибок я — не боюсь, да прежде всего я сам и плачу за них».



А. М. ГОРЬКИЙ (1934 г.)

Каким благородством глубочайшего внимания к человеку, каким страстным ожиданием плодотворного развития его творческих сил проникнуты эти мысли Горького. В этом же письме он очень точно называет свою любовь к человеку — «творцу всех чудес» — излюбленным своим ремеслом «и даже, может быть, искусством».

Не следует думать, что Горький снисходительно относился к авторам, присылавшим ему кое-как написанные произведения. Вот его ответ литкружковцам Запорожья:

«Присланные вами литературные опыты небрежностью и несерьезностью своею вызвали у меня впечатление шутки «от безделья». Я получаю сотни рукописей, гораздо более малограмотных, но в них всегда чувствуется искреннее стремление людей сказать что-то от себя и своим голосом. В произведениях ваших я этого не почувствовал...».

Широчайшая помощь Горького молодым писателям в течение четырех десятилетий войдет в историю нашей культуры как одно из ярких свидетельств его огромной и многообразной работы.

Великому делу пропаганды художественным словом Алексей Максимович был привержен беспредельно. Отдать всего себя, всю свою волю общему делу — этого он требовал и от других.

Писатель посылает ему свою книгу и сообщает:

«Вот все, что я могу дать, большего не требуйте».

Горький прочел книгу и отвечает:

«Я Вам не верю. Вам лень работать. «Если можешь — должен». Вы можете, это Вами доказано, значит Вы — должны работать».

Другой автор обороняется от Горького так: «Писателю невозможно быть энциклопедистом».

«Если это Ваше крепкое убеждение, — резко отвечает Горький, — бросьте писать, ибо убеждение это говорит, что Вы неспособны или не хотите учиться. Писатель должен знать как можно больше. А Вы пытаетесь выговорить себе право на безграмотность».

Сомнение для художника — прекрасное свойство, а вот самомнение — пагуба, — говаривал Горький, и велик был его гнев, когда он встречал такое самомнение в сочетании с нежеланием честно работать.

«Не буду перечислять глупости и пошлости, которыми заполнены почти все страницы Вашей книги, не только просто плохой, а постыдно плохой — писал он одному из авторов.

С чувством искренней горечи пишу все это. Как могут существовать в Союзе Советов литераторы такого типа, литераторы, совершенно лишенные чувства уважения к читателям? И при всем этом, при отсутствии сознания социальной связи с читателем, при наличии анекдотической малограмотности Вы хвастливо говорите: «Я и моя творческая группа»... «Вся моя творческая группа» — это Вы, организатор и руководитель группы, Вы — сочинитель такой халтурной книжки?.. Одумайтесь. Вам нужно учиться, а не руководить «творческой группой». Я пишу Вам грубо, но я через Вашу голову говорю всем таким сочинителям, как Вы: одумайтесь, учитесь работать честно.

Вы должны понять, что в наших советских условиях плохая работа — бесчестная работа».

Сурово отчитав автора, Горький в конце письма мягко убеждает:

«Мне думается, что Вы человек упрямый, волевой, и что у Вас заметны признаки таланта. Может быть, Вы попробуете учиться писать. Следовало бы».

Другому писателю Горький пишет:

«Рассказы Ваши вызвали у меня такие мысли: как странно! Человек живет в государстве, где десятки миллионов людей, не щадя своих сил, создают новые формы жизни, где сотни тысяч молодежи обучаются в вузах и уже выделили из среды своей десятки очень крупных деятелей в область науки, где рабочий класс ежегодно увеличивает кадры администраторов, изобретателей, быстро создавая свою, пролетарскую интеллигенцию; человек живет в стране, где трудовая энергия творит чудеса... и — живя в такой стране, среди такого народа, человек не видит в ней никого, кроме каких-то полуидиотов, да и сам себя изображает тоже полуидиотом».

Честный, упорный, настойчивый, будничный, иногда мучительный труд, — это, по убеждению Горького, — основа литературного дела, основа художественного мастерства.

«...Не серьезное, поверхностное отношение Ваше к литературной работе об'ясняется тем, что Вам очень дешево далась известность», — говорит он автору, слишком спешившему к славе.

«Нет сомнения, — пишет он писателю, в котором почувствовал равнодушие и невнимание к работе, — Вы даровитый человек, но, извините, плохой работник, — слишком торопитесь сделать и, видимо, не чувствуете наслаждения делать».

Радость работы, любовь к работе — о величайшей ценности этого свойства не уставал повторять Горький.

«В прирожденную талантливость я плохо верю. По-моему, есть только один талант: уменье делать всякое дело с любовью к нему».

«Всякое мастерство нужно хорошо знать, если хочешь хорошо работать, — пишет он в 1927 году старому поэту Белозерову. — Как всякое дело, — литература требует непрерывного совершенствования».

«В общем же — дерзайте! — советует он начинающему писателю, разобрав его первые рукописи. — Но—учитесь! Это прежде всего и — навсегда, до смерти».

Сам Горький обладал гигантской работоспособностью. Но дело не только в том, что он умел и любил работать, что он отдавался своей работе со всей присущей ему страстностью. Дело в том, что труд, воля к труду были основой его мировоззрения. «Когда люди хотят жить хорошо, они этого добьются. Уменье хотеть — великое уменье: как все в человеке — оно воспитывается».

Художественной литературе Горький отводил великую и почетную роль возбудителя этого «уменья хотеть», воспитания творческой воли и уверенности в своих силах, могучей уверенности его на путях непрерывных достижений и преодоления трудностей — вперед и выше.

С трибуны Первого всесоюзного с'езда советских писателей, на открытии с'езда Алексей Максимович сказал слова, ярко характеризующие задачи советской литературы:

«Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина.

Вот что надо крепко помнить нам в нашей работе и во всех выступлениях наших перед миром».

И. ГРУЗДЕВ